

Annotation

Мирослава всегда была не такой, как все. Однажды она помогла своему другу Матвею найти старинную книгу, которая исполняет желания и отвечает на вопросы. За этим могущественным артефактом уже давно охотится нечистая сила. Смерть гонится за Мирославой и Матвеем по пятам, и никто им не поможет, кроме Варты – стражи, с глубокой

древности охраняющей их город от зла и тьмы.

Варвара Еналь

Часть 1

Глава первая. Мирослава

1

2

3

Глава вторая. Матвей

1

2

Глава третья. Мирослава

1

2

3

4

Глава четвертая. Матвей

1

2

3

4

Глава пятая. Мирослава

1

2

3

4

Глава шестая. Мирослава

1

2

3

4

5

Глава седьмая. Матвей

1

2

Глава восьмая. Мирослава

1

2

3

4

Глава девятая. Мирослава

1

2

3

4

Глава десятая. Матвей

1

2

3

Глава одиннадцатая. Матвей

1

2

Глава двенадцатая. Мирослава

1

2

3

Глава тринадцатая. Мирослава

1

2

3

4

5

Глава четырнадцатая. Мирослава

1

Глава пятнадцатая. Матвей

1

Глава шестнадцатая. Мирослава

1

2

3

4

Глава семнадцатая. Матвей

1

2

3

Глава восемнадцатая. Мирослава

1

2

Часть 2

Глава первая. Мирослава

1

2

Глава вторая. Матвей

1

2

3

Глава третья. Мирослава

1

2

3

Глава четвертая. Мирослава

1

2

3

4

5

Глава пятая. Матвей

1

2

Глава шестая. Мирослава

1

2

Глава седьмая. Мирослава

1

2

3

4

Глава восьмая. Мирослава

1

2

3

Глава девятая. Мирослава

1

2

3

Глава десятая. Матвей

1

2

Глава одиннадцатая. Мирослава

1

2

Глава двенадцатая. Мирослава

1

2

3

4

Глава тринадцатая. Матвей

1

2

3

Глава четырнадцатая. Мирослава

1

2

Глава пятнадцатая. Мирослава

1

2

3

4

Глава шестнадцатая. Матвей

1

2

3

Глава семнадцатая. Мирослава

1

2

3

4

Глава восемнадцатая. Мирослава

1

2

Часть 3

Глава первая. Мирослава

1

2

3

Глава вторая. Мирослава

1

2

3

Глава третья. Матвей

1

2

3

Глава четвертая. Мирослава

1

2

3

Глава пятая. Мирослава

1

2

Глава шестая. Мирослава

1

2

3

4

5

Глава седьмая. Матвей

1

2

3

Глава восьмая. Мирослава

1

2

3

4

Глава девятая. Мирослава

1

2

Глава десятая. Матвей

1

2

3

Глава одиннадцатая. Мирослава

1

2

Глава двенадцатая. Мирослава

1

2

3

Глава тринадцатая. Матвей

1

2

Глава четырнадцатая. Мирослава

1

2

Глава пятнадцатая. Матвей

1

2

Глава шестнадцатая. Мирослава

1

2

3

Глава семнадцатая. Мирослава

1

2

3

4

5

Глава восемнадцатая. Матвей

1

2

Варвара Еналь

Та, кто задает вопросы

© Варвара Еналь, текст, 2021

© ООО «РОСМЭН», 2021

Часть 1

Всего одно желание

Глава первая. Мирослава

1

Мать всегда уверяла, что я порчу ей кровь.

Эту фразу я слышала с самого детства в разных вариациях, но смысл никогда не менялся. Я портила жизнь матери уже одним своим существованием. Потому что такую невоспитанную и отвратительную хамку еще надо поискать и потому что никакие слова до меня не доходят, все как об стенку горох. Я – вылитый отец, и его гадкие гены

лезут из меня каждый божий день.

Моя мать умела ругаться и делала это часто и вдохновенно. Иногда по вечерам, слушая ее длинные и громкие выступления, я раздумывала, а не записать ли это и не выложить ли видео в «Ютуб». Уверена, что получила бы миллион просмотров и славу скандально известного блогера.

Жаль, но я не воспользовалась такой возможностью, потому что у меня была еще младшая сестра. Едва я доставала телефон, Снежанка хватала меня за руки и умоляющим голосом шептала:

– Мирка, ты с ума сошла. Пожалуйста, Мирка, не делай этого!

С сестрой мы были не особенно близки, но ее горячий шепот и умоляющий взгляд больших карих глаз почему-то имели надо мной странную, необъяснимую власть.

– Отцепись, трусиха, – говорила я и прятала телефон в карман.

В тот вечер я уже настроилась на очередной концерт. Очередное выступление на тему «Мирка отбилась от рук и растет негодницей». В тот день я сделала себе еще один пирсинг. Дырочку в носу даже пирсингом можно назвать с натяжкой, очень многие прокалывают себе ноздрю. А к моему образу крошечная сережка-точечка в ноздре подходила как нельзя лучше.

У меня всегда были короткие волосы, мать стригла меня чуть ли не под мальчика все мое сознательное детство, потому что боялась вшей и не хотела заморачиваться с косичками. В этом не стоило ее винить, я и сама терпеть не могла расчески, долгое заплетание и все эти резиночки и бантики, заколочки и прочие радости девчачьих будней.

Лет в пятнадцать я стала красить свою короткую и буйную шевелюру в черный. Природный цвет моих волос – темно-

каштановый, но я придавала своей прическе совершенную и окончательную мрачность. Никаких ярких прядей – розовых или, там, синих. Никаких цветных штрихов, только черные четкие линии. Почти мальчишеская стрижка «а-ля гарсон» превратилась в короткое каре, чуть ли не боб с асимметричными длинными прядями. И все это было совершенно, абсолютно черным.

Глаза я тоже густо подводила черным и носила только черные футболки и толстовки. Этот цвет точно и верно отражал мое настроение, мой внутренний мир. В одном ухе у меня было три дырки и, соответственно, два гвоздика и одно колечко. В другом – только один

гвоздик. Пока что.

В тот день я сделала себе еще одну дырочку. Деньги на это удовольствие заработала сама. В семнадцать лет вполне можно найти

работу, тем более в нашем небольшом западноукраинском туристическом городке, где несколько отелей и целая куча кафешек. Я подрабатывала официанткой по пятничным и субботним вечерам. Работа несложная, а чаевые – это просто прелесть и сказка.

И вот я продела крошечную сережку-камешек в ноздрю и в первую очередь заявила к своему парню, чтобы похвастаться новым обликом. Богдан был на год меня старше, но в школу отправился с семи лет и потому учился в параллельном классе. Он был красавчиком в полном смысле этого слова. Высокий, мускулистый, голубоглазый. Темно-русые волосы острижены коротко на боках и затылке, а прядь на темени – так называемый оселедец – завязана в крутой маленький хвостик.

Родители Богдана всю жизнь зарабатывали деньги в Германии, присылая внушительные суммы своим двум сыновьям. Богдан и его младший брат Тимоха жили у бабушки с дедушкой в двухэтажном особняке с красной крышей и коваными воротами. Ворота в доме Богдана всегда были открыты, я еще в жизни не видела, чтобы их запирали на тяжелую металлическую щеколду. Потому я спокойно прошла во двор, миновала будку с шустрым псом Тугаем – тот привычно обнюхал меня, лениво фыркнул и вернулся в будку, махнув

хвостом, – и поднялась по ступеням.

Бабушка Богдана была из тех бабушек, которые считают, что правильно воспитанный ребенок – это накормленный ребенок, поэтому у них в доме всегда стоял запах вкусной еды. Едва я

переступила порог, как из просторной кухни раздался мягкий бабушкин голос:

– Мирочка, это ты? Заходи, пицца уже готова. Принесу вам с Даником наверх.

И как только бабушка Богдана узнавала, что это именно я пришла?

– Добрый вечер, Оксана Михайловна! – бодро крикнула я и мигом метнулась

на второй этаж.

В комнате Богдана стояли внушительный тренажер, широкая кровать, шкаф-купе и письменный стол. А еще была масса полочек с модельками разных машин – старое увлечение моего парня. Бабушка называла Богдана почему-то Даником или Данцю, когда обращалась к нему. Мне же нравилось полное «Богдан», оно звучало мужественно и четко, как и положено нормальному мужскому имени. Все эти сокращения

вроде «Бодика» я терпеть не могла.

Богдан сидел над уроками, но, едва увидев меня, отложил ручку и заулыбался.

– Привет, Мирка. Что нового?

Мы с Богданом были старыми-престарыми друзьями, еще в первом классе ходили вместе в школу. Я много времени проводила в его комнате – тогда он жил в нашем доме, в соседней квартире, – и играла его машинками и конструкторами. Особой романтики в наших отношениях не было никогда и сейчас тоже не появилось. Просто как-то само собой стало понятно, что мой старый друг превратился в моего парня, и мы теперь вместе, хотя больше не собираем «лего» на ковре в детской комнате.

– Да, есть кое-что новенькое. Угадай, что?

Я плюхнулась на свободное кресло у окна, закинула ногу на ногу и широко, довольно улыбнулась. Богдан конечно же не углядит маленькую сережку в носу, он никогда не отличался вниманием к мелким деталям. Хотя будущему программисту не помешало бы.

– Ну... Новые джинсы, что ли? Они такие же черные, как и твои старые...

– Богдан с сомнением поднял брови.

– Фу, блин, какой ты все-таки... Внимательней посмотри, внимательней. Представь, что я – твой очередной герой в игре и ты создаешь его облик. Что появилось новенькое?

Богдан прищурился и наконец увидел.

– Ты сделала дырку в носу? Здорово, тебе идет. Как будто родилась

с этой сережкой.

– Ну конечно, и всю жизнь с ней проходила, – хохотнула я.

– А маме твоей понравится?

– Это я специально для нее. Сегодня вечером будет весело.

– Она тебе голову оторвет.

– Уже отрывала. Я на свои деньги сделала, имею право. И вообще я взрослая, окончу школу через пару месяцев, поступлю учиться и найду работу. Вернее, просто буду чаще брать смены в своем кафе. И что она мне сделает?

– В каком-то смысле ты права. – Богдан задумчиво почесал ухо.

– Ладно, пойду домой. Самое время пообщаться с мамой.

– Провожу тебя. – Богдан поднялся и торопливо натянул ветровку. Появилась бабушка и настояла, чтобы мы взяли по куску пиццы.

Покидая милый теплый дом с коваными воротами и смешным псом, я дула на обжигающий треугольник в своих руках и думала, как же некоторым повезло с родителями.

Тогда я еще не знала, как повезло мне.

На улице стояла весна, теплая и славная, и ветер приносил миллион невероятных запахов. То ли цветы, то ли камыши у озера – дышишь и не надышишься. Хотелось гулять до самого утра, втягивая в себя ароматный воздух, делать глупости и гадости. Может, танцевать до упаду или разрисовать стены домов ярким граффити. Я сообщила об этом Богдану, и тот заверил, что на выходных обязательно сходим в кино. У него всегда так – самые странные желания обретали вполне реальное воплощение.

Как только добрались до моей пятиэтажки, я хлопнула своего парня по плечу, бросила веселое «до завтра» и кинулась к подъезду. Не любила я все эти нежные прощания, поцелуи и ласковые взгляды, и Богдан

это знал.

Энергия во мне бурлила, точно кипятилок в электрическом чайнике, я взлетела на свой пятый этаж со скоростью ошпаренной кошки. А вдруг мать не заметит мое новое украшение и мне удастся спокойно поужинать,

сделать уроки и лечь спать?

2

Мую сестру Снежанку вполне можно было назвать симпатичной и даже красивой, я бы сказала. Большие карие глаза, тонко очерченные брови. Всегда розовые щеки и красные пухлые губы. Снежанка обожала сладости, и в ее карманах не переводились шоколадные конфеты. Очень много шоколадных конфет. То ли благодаря этому пристрастию, то ли из-за генов, но Снежанка обладала довольно округлыми формами. Вроде бы и не толстая, но склонная к полноте – вот как это называется. Кругленькая, невысокая – ее макушка едва доставала до моего лба, – медлительная, она казалась мне коровушкой, вышедшей на полянку. Я ее так и называла в приступе злости:

«Корова».

Но вообще уживались мы неплохо. Я всегда помогала ей с уроками, мне ведь не жалко. Понимала, что память у Снежанки такая же короткая, как у коровушки, и мыслит она прямо и просто, поэтому без раздражения решала за нее примеры по алгебре и задачки по геометрии. Учились мы с ней в разных классах, я – в последнем, одиннадцатом, она – в десятом. И разница у нас была один год и три месяца.

И как моя мама умудрилась родить еще одного ребенка, когда я, судя по ее рассказам, в младенчестве орала целыми днями не умолкая?

Портила кровь с самого рождения, как говорила мать. Не понимаю, зачем заводить еще одного ребенка, когда и с одним не можешь справиться?

Впрочем, Снежанка была очень милым и послушным дитем. Еще бы, с таким-то трусливым характером сестрица могла бы стать самым примерным ребенком страны, если бы имелся подобный титул. Никаких глупостей, никаких фокусов. Сестра даже волосы никогда не стригла, потому что маме нравилась ее длинная, темно-русая с медным отливом коса. Волосы у Снежанки действительно были хороши, я ж говорю, сестра отличалась выдающейся внешностью.

Она боялась всего, даже поход в туалет ночью ей казался ужасным приключением. А вдруг там, за дверью, притаились черные вампиры и накинутся на нее, едва она, в длинной пижаме и мягких тапочках, ступит на темную территорию ночного коридора? Поэтому, если вдруг Снежане приспичивало ночью по-маленькому, свет включался сначала в нашей комнате, потом в коридоре, после в туалете.

Снежанка не смотрела никаких страшных сериалов. Ни «Игру престолов» – хотя что там страшного, до сих пор не понимаю, – ни

«Дневников вампиров», ни «Сверхъестественного». Только жалкие

«Сплетницы» и турецкие сериалы про любовь.

Мне было все равно, что смотрит сестра, ведь по большому счету мы с ней ладили. Снежанка никогда не брала мою одежду – она в нее просто не влезла бы. А это уже большой плюс, потому что я терпеть не могу, когда трогают мои вещи. Моя черная губная помада вызывала ужас у милой, славной Снежанки, а черный лак для ногтей казался безвкусицей.

Я, в свою очередь, никогда не покушалась на ее конфеты, терпеть не могу сладкое. Не прельщалась розовыми футболками с изображением блестящих сердечек и милых зайчиков, не красила ногти белым и розовым и не носила кулончики с золотистыми сердечками. Слишком разные мы с сестрой были, ведь отцы у нас тоже случились разные.

А уроки для Снежанки сделать не жалко, потому что я – отличница и умница, как называла меня лучшая подруга Кристя. Но про своего отца я расскажу попозже.

Итак, я пришла домой в тот вечер, и Снежанка, засовывая в рот очередную шоколадную конфету, сообщила мне, что к маме пришла ее подруга, тетя Света. Теть Свету мы знали чуть ли не с садовского возраста, она приходила к нам раз в два-три месяца, и они с матерью пили черный крепкий кофе, ели бутерброды, иногда выкуривали по сигаретке

и долго-долго разговаривали, закрывшись на кухне.

Это называлось «отвести душу», и я не видела в этом ничего плохого.

«Повезло», – подумала я и, вымыв руки и натянув домашний халат (такой пушистый, мягкий, с капюшоном), устроилась делать уроки. Есть после пиццы не хотелось, потому самое время было заняться алгеброй и историей. Скоро экзамены, и – здравствуй, мединститут.

Или медколледж, если завалю тесты.

Я бы так и просидела над уроками с песнями Адама Ламберта в наушниках, если бы Снежанка, перекинув за спину растрепанную косу, не подошла ко мне и не ткнула в бок.

– О тебе говорят, слышишь? – сказала она и выразительно моргнула.

Конечно я не слышала, ведь в ушах надрывался Адам Ламберт.

Из нашей комнаты через длинную лоджию можно было попасть на кухню, и я, стянув тапочки, в одних носках очень тихо прокралась к кухонной двери. Металлопластик, конечно, звуки особенно не пропускал, и сиреневый роллет мешал рассмотреть, что происходит внутри. Но дверь оказалась приоткрыта, видимо, мама с подругой выходили курить. Мать не любила запаха сигарет в квартире, потому курила строго на лоджии, приоткрыв окно.

– Мне тяжело с ней, Света. Иногда я ее боюсь. Но и отдать в ту семью не могу. Что из нее вырастет? Такая же бандитка, как ее родственники?

– А ее отец сейчас где?

– Мертв. В их роду мужчины долго не живут. Это бандитское кодро, я тебе говорю. Но деньги – деньги! – у них есть. Денег просто завались. Ты ведь не знаешь, я не говорила. Никому не говорила, потому что боялась. Так вот, эту квартиру двухкомнатную купила мне бабушка Мирки, мать Любомира. Причем так, как я вот покупаю себе сапоги. Пошла, оформила документы и дала мне в руки. С одним условием: я не могу ее продать, пока Мирке не исполнится двадцать один год.

– И ты продашь?

– Конечно! Продам и уеду отсюда как можно быстрее. Только Мирку уже не спасу.

– Как она тебя нашла? Ты же тогда сбежала из нашего города?

– Сбежала, с двумя маленькими детьми. Снежанке было несколько месяцев, а Мирке и двух лет не исполнилось. Просто умотала, унесла ноги, когда узнала, кто такой этот Любомир.

– А она тебя нашла?

– Приехала сама. Мы жили в нищете, в старом развалившемся домике моего деда. Вода – в колодце, туалет – на улице. Ни ванны, ни стиральной машины. Я еле тянула на детские пособия, а это – крохи, сама знаешь. Огород копала и морковку с картошкой сажала. И тут она заявила. Привезла игрушки девочкам, одежду, предложила квартиру, работу. Только бы я вернулась сюда. Даже не торговалась. Двухкомнатная квартира с ремонтом, деньги на девочек и помощь с переездом. Потому что ее Любомир уже погиб тогда, и только одна Мирослава осталась продолжателем их рода.

– И ты согласилась?

– А что мне было делать?

– А ты не боялась, что старуха заберет у тебя ребенка?

– Знаешь, я бы отдала. Мирка уже тогда была невменяемой. Их гены так и перли из ребенка. Ни на миг не могла оставить ее одну, она творила черт знает что. Но мать Любомира ни разу не предлагала забрать. Ни разу, представляешь? Видимо, сама понимала, какие гены растут. А сын ее погиб в той страшной катастрофе пятнадцать лет назад. Пожар, в котором сгорел здешний клуб и пара десятков жителей, помнишь?

– Как же, это все помнят.

– Вот там он и погиб. И я ни разу не пожалела.

Последнюю фразу моя мать произнесла очень тихо, почти прошептала. Но я все равно услышала. Запахнула зачем-то покрепче халат и чуть ли не прижалась ухом к двери, стараясь не пропустить ни слова.

Мать встала, щелкнула кнопкой чайника, стукнула дверцей шкафчика, доставая, видимо, кофе. После скрипнула дверца холодильника и послышалось шуршание бумаги. Взялись делать бутерброды.

– У этой старой пани было два условия, когда она сунула мне в руки документы на квартиру и деньги. Девочки должны расти тут, на западе, в ее родном городе, и носить мою фамилию, а свою настоящую не знать. Я должна была поклясться, что исполню эти условия.

– Что значит поклясться? – переспросила тетя Света.

– В прямом смысле слова. «Поклянись мне, деточка. Скажи «клянусь». Представляешь?

– И ты поклялась?

– А мне было тогда двадцать два года. Я была глупой, и у меня голова закружилась от вида денег и документов на квартиру. Собственная двушка, представляешь? Я бы ей тогда поклялась даже в том, что никогда замуж за инопланетянина не выйду. Да и в чем проблема? Мирка и так была оформлена под моей фамилией. И знаешь ли, когда живешь в развалюхе и воду в ведрах домой таскаешь, то долго

выбирать не станешь. Этот городок не так уж и плох.

– Хороший городок, – согласилась тетя Света.

– Девочки выросли, я всегда была с работой. Мирка в глаза не видела тех родственничков. Кто знает, может, и убралась бы к ним, узнав, кто они.

– Они бы ее приняли?

– Старая пани приняла бы. Мирка ведь последняя из всего большого
рода. Есть, может, еще какие-то дальние, но я их не знаю.

– А Любомир был главарем банды? – уточнила тетя Света.

– Тихо. Не говори никому. Я только тебе одной и решилась рассказать. Так что ты понимаешь, откуда там денежки водились. Вроде промышляли они контрабандой и золотишком. И пара заправок была, с которых они брали свою часть денег.

– Как рэкетеры...

– Ну, в те времена это было неудивительно. Бандитская кровь у моей Мирки, и я видела это с тех пор, как только она родилась. Вылитый отец, ну просто вылитый отец. Если бы не портила себя этой уродской стрижкой и жутким макияжем, тоже была бы красавицей. Любомир был красавчик, нечего и говорить! Видела бы ты его! Все девчонки западали на него, а он танцевал только со мной на каждом дискотеке. Приходил специально ко мне в наш дом отдыха и стоял под окном. Приносил каждый раз огромный букет роз. Только розы, никаких дорогих подарков. Но зато неподалеку ждала его машина, черный «мерс». И мне страшно все завидовали, когда я садилась к нему в машину. Дура была, я же говорю.

– Ну теперь уже ничего не поделаешь. И не такая уж стерва твоя Мирка. Перебесится, в подростковом возрасте их нынче всех крутит. Безбашенное поколение какое-то выросло, прямо не подступишься. Мой вот вчера пришел пьяный, представляешь? Пятнадцать лет парню всего, а они уже пиво на вечеринке гоняли в таком количестве, что он еле языком ворочал. Заблевал мне весь коридор, паршивец.

– Если бы она просто пришла пьяной, я бы так не переживала.

Это обычное. Мне сегодня звонила ее классная. Она избила мальчика-одноклассника, представляешь? Хорошо, что все обошлось без синяков и травм, его родители подали бы на нас в суд, если бы можно было снять следы побоев...

Я поморщилась. Два подзатыльника Станиковскому рассматриваются как побои? И где это, скажите мне, у него должны

были появиться синяки? Разве что на языке, когда он старательно брехал

своим родителям. Брехло паршивое...

Ладно, что там мамочка моя дальше напричитает?

– И как ее только в школе держат? – возмутилась тетя Света.

– Так отличница, тянет на золотую медаль. Мозги у нее тоже в отца. Соображает лучше всех. Готовится поступить в медицинский вуз.

– В Старом городе?

– Конечно, это же рядом.

Наш городок действительно находился рядом со Старым городом. Полчасика через лес, по шоссе – и вот вам старые дома и костелы, брусчатка и высокая башня городской ратуши. Вузов там хватало, и добираться до мединститута или универа мне было бы легко.

– Ты слишком мягкая с ней, тебе надо проявлять больше строгости. Нынче детей слишком уж распустили. В наше время семнадцатилетняя девочка и вякнуть не могла поперек матери. Материнское слово – закон, никакой вольности. Я своего паршивца вчера отходила ремнем, чтобы неповадно было пьяным домой заявляться в свои пятнадцать лет. Потерпи еще немного, и поступит твоя Мирка, а ты будешь свободна.

– Конечно. Еще года четыре, и я продам квартиру и уеду. А ее, думаю, будут обеспечивать родственники.

– Как, говоришь, зовут ее бабушку?

– Пани Святослава.

– А фамилия?

– Нет, Света, даже тебе не скажу – крепче будешь спать. У нас тут временами творятся страшные вещи. Маленький город, полный старых историй. Тебе кофе с молоком? Сколько ложек сахара?

– Так я тут недавно. Думаешь, всех знаю? Или они публичные люди?

– Просто забудь. Угораздило меня связаться с этой семейкой.

– А отец Снежаны?

– Он погиб тогда же, в том же пожаре. Только я думаю, это Любомир убил его. Мой бывший сказал, что никто не приблизится к его девушке, то есть ко мне. Я боялась, что он убьет и ребенка, если узнает о моей второй беременности, вот и уехала. А вернулась, потому что Любомир был мертв.

– Да уж, правда, угораздило тебя...

Дальше они заговорили о работе, о начальстве. Немного ругали Михася, сына Светы, которому приспичило перепить пива накануне.

З

Я вернулась в свою комнату, села за письменный стол. Воткнула наушники

и врубила музыку.

Whad'ya want from me, – зазвучало в ушах.

Машинально потянулась за черным карандашом и еще сильнее подрисовала глаза. Добавила темных штрихов губам и после так сжала карандаш, что чуть не сломала его.

– Что с тобой? – удивилась за спиной Снежанка.

– Пошла вон, – буркнула я не оглядываясь.

Почему если ненавидишь отца, то надо ненавидеть и собственного ребенка? Ты же добровольно млела от его роз, красоты и машины! Ты же сама была такой дурой, что каждый вечер садилась в его иномарку!

А я, по-твоему, ужасный потомок ужасной семейки?

Да

чтоб ты треснула!

Снежанка отправилась в ванную. Из коридора донесся звук надеваемых сапожек и застегиваемой молнии плаща – мать подружки наконец ушла домой. А мать заглянула в нашу с сестрой комнату.

– Лицо умой, – велела она.

Я

промолчала.

– Когда ты перестанешь драться в школе? Сколько можно обижать одноклассников? Ты действительно ждешь, чтобы на тебя подали в суд?

Я не оборачивалась.

– Совесть у тебя есть, Мирослава?

– Не хочу с тобой говорить, – тихо и четко произнесла я, по-прежнему не оглядываясь.

– Хамка. Ты бессовестная хамка! Как ты позволяешь себе разговаривать с матерью? На меня посмотри, дрянь такая! И глаза свои, наконец, отмой от черноты этой! Ты как ведьма с этими глазами! Ведьма

и есть!

Мать встала рядом с моим письменным столом. Она входила во вкус, разгоняясь все больше и больше.

– Что ты пристала? Хочешь, чтобы я вообще ушла из дома? Хочешь, чтобы искали, как соседскую девочку? – выкрикнула я ей в лицо. – Отстань от моих глаз! Это мои глаза, как хочу, так и крашу! У тебя деньги не прошу на краску!

– Конечно, дожدهшься от тебя помощи матери! Еще ни разу в дом буханку хлеба не купила! А жрать так все готовы! А посуду кто мыл сегодня? Снова Снежанка, потому что у тебя, видите ли, времени нет. Шляешься с парнями, после приходишь и матери гадости тут говоришь!

– У Снежаны твоей мозгов хватает только на мытье посуды. Так пусть готовится в посудомойки!

– А ты, видимо, во врачи готовишься? Кто будет взятки за тебя платить в университете? Ты знаешь, сколько сейчас стоит сдать одну сессию?

– Заработаю.

– Официанткой? В своей драной забегаловке? На что тебе этих денег

хватит? На проезд и бургеры?

– Иди отсюда, – процедила я сквозь зубы.

Мать чуть не задохнулась и выдала очередную тираду о том, какое я

дьявольское отродье. После наконец повернулась и ушла.

Злость во мне klokотала посильнее, чем вода в электрическом чайнике, и я еле сдержалась, чтобы не крикнуть в круглое материнское лицо, что о моем обучении позаботится загадочная пани Святослава.

Только сначала надо найти эту странную пани, которая приходится мне бабушкой. Ведь правильно? Мать моего отца – моя бабушка. Интересно, обрадовалась бы пани Святослава такой внучке?

1

Будильник включился ровно в четыре часа ночи. Тихое потрескивание, после – поскрипывание и, наконец, еле уловимое гудение. Матвей не любил громких звуков, не любил современных мелодий и вообще предпочитал тишину. Но в четыре часа утра без будильника не встать никак, поэтому приходилось терпеть неприятные звуки, врывающиеся в сон.

Поднялся, уставился на ночничок, воткнутый в розетку. Слабый свет выхватывал из темноты угол письменного стола, резную ножку стула и потертый полосатый коврик. Второй ночник, у самой двери, освещал тапочки и угол шкафа-купе.

Итак, пятница. Четыре утра.
Пора вставать.

Время приношения наступает в последнюю пятницу месяца,
ровно
в четыре. Бойся пропустить время
приношения.

Эти правила вызубрены и соблюдаются неукоснительно. Когда-то их соблюдал дед и дожил почти до девяноста восьми лет. Вернее, прадед,
– Матвею он приходился именно
прадедом.

Ноги машинально нащупали резиновые шлепки, руки привычно нажали на кнопку будильника. Спуститься вниз, на кухню. Свет не зажигать, иначе ничего не выйдет. Никакого света, все на ощупь. Только бледные лучи уличного фонаря кидают на серую плитку пола скупые световые квадраты, только холодильник, когда его открываешь, приветливо горит желтым. Немного молока. Подогреть. Столько же крови.

Кровь – самая мерзкая часть задачи. От вида этой густой, темной жидкости к горлу подкатывает тошнота, и Матвей с трудом подавляет рвотный позыв. Это еще не самое страшное, говорит он сам себе. Это ерунда. Налить кровь в теплое молоко, после открыть угловой кухонный шкафчик, дотянуться до самой высокой полки. Отодвинуть пустую пластиковую банку из-под давно выпитого «Несквика», затем – упаковку спичек, которая лежит тут с незапамятных времен и которой никто не пользуется. Нащупать жестяную коробочку. Старую жестяную коробочку. Старую, как мир, жестяную коробочку, на которой давно стерся рисунок, и непонятно, когда ее сделали и для

чего. Открыть крышку и задержать дыхание. Ни в коем случае не вдыхать, иначе можно грохнуться в обморок от резкого, противного

запаха. Один раз Матвея вырубил почти на целый день.

На одних и тех же ошибках учатся только дураки, Матвей не повторит второй раз ту же ошибку. Он не будет таким, как его родители.

Одну щепотку – в молоко с кровью. Готово.

Молоко гасит резкий запах, почти приглушает вонь, и чувствуются только кисловатые нотки крови.

Теперь вниз, в подвал.

Хорошо, что вход в подвал находится не в самом доме, а снаружи, около гаража. На улице почти тепло, воздух влажный и пахнет нарциссами и тюльпанами. У соседки вся клумба засажена этим цветами. Весна, и значит, время цветов.

Матвей двигался бесшумно, его ноги в резиновых шлепках делали совсем маленькие шаги. Вот она, дверь в подвал. В замке – старенький ключ с круглой головкой. Повернуть ключ, открыть дверь, шагнуть внутрь.

Самое сложное – войти внутрь подвала. Отец говорил, что этому старому кирпичному дому больше пятидесяти лет, а фундамент и подвал и того старше. Когда-то тут стоял совершенно другой дом, в котором жили предки Матвея. От того дома остался только кирпичный подвал со старой скрипучей дверью. А в подвале – паутина, темень и одно-единственное окошко, в которое едва попадает свет уличного фонаря.

Ни в коем случае нельзя зажигать другие источники света – так учил

прадед.

Подойти к окну, поставить блюдечко и позвать. И все. Можно уходить.

За все время, когда Матвей совершал обряд, существо приходило лишь два раза. Первый – сразу после смерти родителей, когда Матвей участвовал в обряде вместе с прадедом. Тогда он так трясся от страха, что едва не наделал в штаны. И неудивительно, ведь ему было всего девять лет. В этом возрасте он остался сиротой. Абсолютно круглым сиротой, без отца и без матери. Без бабушек и без дедушек. И только старый-престарый прадед, коричневый, сухой и глазастый, взялся за его воспитание. Опекунство оформили на какую-то дальнюю

родственницу, пани Святославу Новицкую, но до этой осени жил Матвей

с прадедом, которого называл просто «дед».

Тарелочка звонко стукнула о камень – подвал в доме был выложен

маленькими прямоугольными плиточками, до того истертыми и щербатыми, что сразу было понятно – этим плиточкам лет сто, не меньше.

Матвей выпрямился, сощурился, посмотрел в окно на высокий фонарь, горевший около кованых ворот дома. Вдохнул и собрался уходить, как вдруг от двери – от распахнутой двери, за которой виднелось весеннее звездное небо, – послышались шаги. Тихие, мягкие, еле уловимые. Их никто не услышал бы, но Матвей давно привык улавливать самые тихие звуки. Он умел слышать то, что не слышали другие.

Как будто мягкие лапочки кота ступали по камню и небольшие коготочки

стучали – ток-ток-ток.

Существо пришло не из глубины подвала, как раньше. Оно явилось со стороны улицы, наверное, от глухого подвального угла. И при звездном слабом свете Матвей в первый раз его увидел. Конечно, темнота скрывала мелкие детали, но выгнутая мохнатая спина, высоко поднятый хвост и желтые миндалевидные глаза были хорошо различимы. Особенно глаза, желто-оранжевые, с вертикальным зрачком, такие пристальные и злые.

– Я... Я уйду... – еле выдавил из себя Матвей.

– Уходи. – Голос существа был мягкий, кошачий и еле слышный, как трепетание паутины или шажки тараканов. – Уходи. Тебе надо найти потомка Новицких. Последнего потомка Новицких. Это и будет тот родственник, который достанет Желанную. Делай то, что тебе говорят, мальчик.

Здоровенный котяра вдруг зашипел, раскрыв пасть, и кинулся на Матвея, точно огромный пушистый шар.

Матвей, хорошо наученный дедом, был готов к такой выходке. Он увернулся, отскочил вправо – там была подходящая ниша, – а после ринулся к двери, к свободному проходу. Выскочил на улицу и с силой захлопнул дверь. Повернул ключ, прислушался.

Вокруг царила полная и совершенная тишина. Такая весенняя, нежная тишина, в которой слышно, как шелестят лепестки на только что распустившейся вишне, как мягко потрескивает крыльями ночной

мотылек, недавно проснувшийся к жизни. Как ворочается в своей ямке крот, как медленно и торжественно двигаются по небу небольшие облака.

Все это казалось бы сном, если бы не резкий запах крови.

Матвей всегда очень тонко чувствовал запахи, мог различать самые слабые, самые незаметные ноты. А сейчас запах крови перебивал все остальное. Потому что это была его собственная кровь.

Длинные царапины на руке еще не болели, но совсем скоро они начнут ныть и саднить. Никакие обезболивающие не помогают против царапин

Скарбника.

Если поцарапает кот-скарбник, это будет болеть долго.

2

Свет в кухне включился с мягким щелчком, заливая просторное помещение. Блеснул циферблат черно-белых часов, довольно улыбнулся блестящий нержавеющий чайник. Разноцветные лоскуты ковриков на светло-серой плитке, мягкие сидушки на стульях с резными спинками придавали помещению особый уют.

Коврики и сидушки когда-то подбирала мама, и на всех имелось изображение кота. Коты здесь были везде – на смешных картинках, на кружках и даже на тарелках и ложках. Символом достатка их дома был кот-скарбник

– тот, кто охранял и умножал богатство.

Дед всегда говорил: «Не забывай, кому ты обязан своим существованием. Деньги тебе пригоняет семейный Скарбник».

Деньги в семье Матвея были всегда. Большой дом в три этажа, гараж с двумя машинами, три продуктовых магазина, небольшая автомойка у въезда в город – все это принадлежало его семье, а теперь лишь Матвею, потому что от большого семейства Левандовских остался только он, восемнадцатилетний парень.

О Скарбнике в семье не любили говорить вслух. До определенного времени – до самой смерти родителей – Матвей и не знал, что есть такая традиция – ночами задабривать кровожадную тварь. Ну, любит мать котов и все, что с ними связано, – везде в доме коты, даже солонка выполнена в виде маленькой симпатичной кошечки. И только когда машина родителей разбилась на шоссе, а

старый коричневый дед, придя вечером домой к Матвею, сообщил, что будет

теперь жить с ним, древняя легенда стала явной и осязаемой.

– Твоя мать погибла, потому что не желала соблюдать традицию, – сурово сказал дед однажды вечером. – Но мы это быстро исправим. Ты уже не маленький мальчик, и пора тебе стать тем, кто ты есть по праву рождения.

– А кто я по праву рождения? – не понял заплаканный Матвей.

– Скоро узнаешь.

И в последнюю пятницу месяца дед разбудил Матвея ночью и

заставил спуститься в подвал с мисочкой молока и крови.

Скарбник появлялся редко, крайне редко – только если надо было выполнить какое-то задание. Чаще всего он оставлял надписи на запотевшем окне кухни, и ничего страшного в них не было, ими занимался дед, а от Матвея лишь требовалось раз в месяц ночью наливать молоко и кровь и относить в подвал. К такому занятию скоро привыкаешь и уже не трясешься, как припадочный, и миска перестает дрожать

в руках.

Что делать с надписями на окнах, дед всегда знал. Матвей в это не старался

вникать.

Конечно, свои побочки от того, что ночами кормишь нечисть, безусловно, будут. Ночи перестали казаться уютными и мягкими. Снились кошмары, темнота пугала до жути своей непредсказуемостью и нелогичностью. Вроде бы Матвей и понимал, что в шкафу-купе не может сидеть лохматый домовой, но все равно засыпал лишь при свете двух ночников. И в коридоре тоже должны были гореть ночники, только тогда сны становились спокойными. Более-менее спокойными.

Дед пропал внезапно.

Он и раньше мог не прийти ночевать, сказав, что имеются дела на хуторе. Но в этот раз, когда спустя три ночи старик не появился на пороге и не крикнул своим низким, хриплым голосом: «Матвей, что делаешь?», в душе зашевелилось беспокойство.

А утром, спустившись на кухню и включив чайник, Матвей оглянулся и увидел надпись на кухонном окне. На запотевшем стекле кто-то словно вывел указательным пальцем два предложения:

Стефан умер.

Достань Желанную книгу.

Эти простые слова заставили сердце колотиться до боли в ребрах. Матвей словно онемел. Тут же понял, что в кухне еле уловимо пахнет подвалом, старыми кирпичами и паутиной, а на полу уже чудились следы больших кошачьих лап.

Была поздняя осень, конец ноября, и последняя пятница уже миновала, но от этого не становилось спокойнее. Вот пока в доме жил дед, можно было не сомневаться, что Скарбник не покинет подвала.

– А если Страшный кот придет к нам сюда? – спрашивал Матвей у деда, когда был моложе.

– Я тот, кто заклинает Страшного кота. Я не позволю ему прийти. А после моей смерти ты станешь тем, кто заклинает Скарбника. И ты не позволишь ему прийти, – уверенно говорил дед, сверкая темными

блестящими глазами. И улыбался, показывая ряд целых белых зубов.

– Сколько тебе лет, дед?

– Много. Очень много. Я родился здесь, когда на месте особняка твоего отца стоял другой, старый дом. Я родился в этом старом доме, – важно

сообщал дед и хитро подмигивал.

Теперь деда не стало, и повеления Скарбника следовало выполнять Матвею. Про Желанную книгу он кое-что слышал, но совсем немного. Дед не любил об этом говорить, лишь пару раз обмолвился, что давным-давно из-за одной старой книги началась вражда между влиятельными семействами этого города.

– Это древние семьи. Их предки, как и наши, покоятся на старом польском кладбище в глубине леса за церковью, – пояснял он. – Все хотели обладать книгой, но досталась она нам. Никто об этом не знает и знать не должен. Смотри не болтай.

Впрочем, Матвей никогда и не болтал. О таких вещах не говорят.

О таких вещах даже думать временами страшно.

Где достать Желанную, было совершенно непонятно. Но Скарбник сам подсказал. Он явился в следующем месяце, ночью, как обычно, когда Матвей принес ему неизменное блюдо с молоком, кровью и священными травами. Это был второй раз, когда существо предстало

перед ним воочию – мохнатой фигурой в темноте подвала.

– Желанная книга на хуторе, в доме Стефана, – промурлыкал кот. – Твой прадед Стефан был ведьмаком, он ушел от тебя, чтобы не передавать своего дара. Кровный потомок, который первым войдет в

его дом, станет его преемником. Станет ведьмаком. Ты хочешь быть ведьмаком, мальчик?

Матвей тогда вздрогнул и уставился на Скарбника. Вытаращился, точно заговорил плюшевый мишка, который сидел на полке с игрушками.

– Не хочу, – тихо выдавил из себя.

– Найди еще одного потомка Стефана. Кровного потомка. И достань Желанную.

Но найти потомка деда оказалось не так-то просто. Матвей искал, искал

и искал и пришел к неутешительному выводу, что лишь его отдаленная родственница Святослава Новицкая является троюродной

племянницей деда Стефана. Ей уже было около шестидесяти лет, и Матвей понятия не имел, как заставить ее войти в дом умершего прадеда.

И вот теперь Скарбник заявил, что есть еще один потомок, кто-то, кто родился по линии Святославы. Ее сын Любомир погиб еще тогда, когда война между семьями, сделав новый виток, привела к очередной катастрофе в их маленьком городке. Но Любомир был очень молод. Неужели он успел кого-то оставить после себя?

Конечно, пани Святослава, эта важная пани с голубыми глазами и высоко вздернутым подбородком, ничего не скажет. Посоветует лучше учить уроки и мыть руки перед едой, – она всегда говорила эту чушь, изредка навещая Матвея.

Но тогда как найти этого потомка?

Что

сказал бы дед?

Он сказал бы: «Ищи в библиотеке церкви».

Значит, туда и надо отправиться.

Глава третья. Мирослава

1

Мое полное имя и фамилия – Назаренко Мирослава Андреевна.

Отчество, конечно, не настоящее, это по бабушке со стороны матери. Но то, что мой родной отец звался Любомиром, я знала, мать как-то

проговорила. Теперь вот знала, что бабушку зовут

Святослава.

Красивое имя и неожиданное для девочки. Вернее, теперь уже для бабушки, ведь мать Любомира не могла быть молодой.

Где искать информацию, я понятия не имела. Думала зайти в ЗАГС, спросить, они там точно должны знать. Или в паспортный стол? Посмотрим.

Утро началось с того, что Богдан написал в «Вайбер». Его банальное «Привет, как дела? Проснулась? Накрасилась?» немного

настроение.

Снежанка еще ворочалась в постели, а весеннее солнышко вовсю заливало нашу комнату, ложась на пол и на коврик яркими теплыми квадратами. Умыться, включить музыку в наушниках. Сделать макияж. Утром, пока я сидела перед зеркалом, на меня всегда нападало вдохновение. Я тщательно выводила чернущие стрелки на глазах,

подкрашивала брови и обводила темным карандашом губы.

Конечно, учителям такой имидж не нравился. Наш новый классный Григорий (мы его так называли даже в глаза, очень уж он был молодым), как только видел меня, сразу начинал причитать, что я порчу красивую внешность мрачным макияжем. Особо меня не гоняли, ведь я же была гордостью школы. Все олимпиады по химии – на мне, по польскому и английскому – тоже на мне. Но для почетной фотографии в вестибюле школы меня попросили не краситься, на что я твердо сказала, что в таком виде меня никто не узнает. Подумают, что это фото какой-то незнакомой девочки.

Мать собиралась на работу. Она работала в местном магазинчике. Получала неплохо, кстати, нас со Снежаной хорошо кормили и одевали. И каждый год вывозили на море. В то утро я вдруг подумала, что, возможно, благодаря деньгам пани Святославы.

Допив кофе, мать подскочила, убрала в карман телефон и наконец увидела мое лицо. Возможно, если бы я в этот момент стояла к ней спиной, набирая воду в чайник, утро прошло бы совершенно по-

другому. Но, увидев мой макияж и сережку в носу – камешек так славно поблескивал этим ярким солнечным утром, – мать не выдержала.

Что это я придумала? Зачем уродую себя новой дыркой в теле? (Мать так и сказала, «в теле».) Тогда уж можно и деревянные бусы на шею, и пальмовую юбочку на талию, как в племени тумба-юмба. И если в школе на меня еще раз пожалуются, то она отведет меня к психологу, чтобы помогли справиться с лишней агрессией, потому что только агрессивные люди избивают своих одноклассников и красят лицо в черный цвет.

И вообще она видеть меня не может, с этим моим чудовищным лицом.

– И есть не дам, пока не будешь выглядеть, как человек! Вынь этот камень из носа!

Я в долгу не осталась и тоже завелась, как музыкальная шкатулка. Заявила, что она не имеет права вмешиваться в мою жизнь, что она – склочная мать, которая только и умеет, что орать, и мне плевать, нравится

ли ей мой внешний вид.

Прооравшись, мать хлопнула дверь, я же выругалась ей вслед и сердито зашипела, плеснув кипятком на палец, когда делала себе кофе.

Все шло своим чередом.

– Наорались? – пробормотала Снежанка, осторожно выходя на кухню. – Стены в доме тряслись, наверное. Я вчера эту твою сережку и не заметила, темно было и поздно.

– Тебе и не надо было замечать.

– Так ты для нее это сделала?

– Для себя.

– Конечно, оно и видно. Чем ты завтракаешь? Там еще остались хлопья?

– Я не завтракаю, мать не желает меня кормить. Пью кофе и ухожу. Куплю себе круассан по дороге.

2

Каждый класс в любой школе делится на группировки. Умные – к умным, наглые – к наглым, красивые – к красивым. Дураки, соответственно, к дуракам.

В этом нет ничего удивительного, и это старо как мир. В моем классе же все было не по-человечески. Конечно, Шпаковская Христя всегда собирала вокруг себя тусовку длинноногих, с розовыми и красными ногтями и тщательно выпрямленными утюжком волосами. Но к ним постоянно жаждала присоединиться Ира Поверчук (Поверчучка, как мы ее называли).

Создавая Иру, природа погорячилась и наградила ее слишком крупными формами. Большая грудь и заметная попа – это неплохо. Но нос-картошка

и круглые щеки делали Иру

немного смешной и похожей

на крепкую сельскую девчонку, которая по вечерам доит коров. И к тому же Поверчучка совершенно не умела одеваться. Она могла припереться в мятой длинной футболке и обтягивающих легинсах, которые я бы даже в руки не взяла, или натянуть узкую и короткую юбку, трещащую по всем швам на ее объемистой фигуре.

Но Ира жаждала общества Христи и ее красоток, потому тщательно красила ногти красным, губы – тоже красным и каждый день распускала волосы.

Ну, пусть себе делает, что хочет, мне до Ирки и Христи не было никакого дела, собственно. Но некоторые люди умеют попадаться под руку. Ирка заявила в школу в каком-то дурацком коротком свитшоте и потрепанных джинсах с низкой посадкой, отчего отлично можно было наблюдать не только ее талию, но и кое-что пониже. Конечно, на улице весна и теплые деньки, но это не повод глупо выглядеть.

Христя сидела на парте с телефоном и, увидев Ирку, тут же ее сфоткала.

– Где ты взяла эти штаны? – хохотнула она. – У младшего брата?

Так они не нелезают на тебя, разве не видишь?

– Зачем ты меня сфоткала? – пробормотала покрасневшая Ирка и возмущенно уставилась на подругу.

– Выложу в наш общий чат. Пусть посмотрят на современный лук. Новое веяние моды. Надень штаны младшего брата и будьешь в тренде,

– довольно пропела Христя.

Я прошла мимо нее к своей парте, слегка пихнула локтем – незаметно так, – и телефон отлетел в сторону, к моим ногам. Христя заверещала. Я подняла ее девайс, посмотрела на футляр, на защитное стекло. Цел, все ок. Быстро удалила дурацкую фотку. Христя уже верещала, вцепившись ногтями в мое плечо.

– Отдай сейчас же, Мирка! Руки свои черные уברי от моего телефона!

Я медленно развернулась, и Христя тут же отступила.

– Что ты там сказала про мои руки? – Я положила злополучный девайс на парту, чтобы, не дай бог, не уронить еще раз, и сделала шаг к нашей

школьной красавице. – Ну, повтори, повтори.

– Пошла ты вон, дура. Не смей трогать мой телефон.

Я сделала еще один маленький шаг к Христе, после резко заломила ей обе руки за спину. Нависла над этой дурехой и, глядя прямо в ее глупые голубые глаза, пообещала накостылять в

следующий раз как следует, если скажет хоть что-то еще про мои руки.

– Ясно? И забирай свой телефон, эта блестящая штучка никому не нужна.

Я ж говорю, умные – к умным, красивые – к красивым, наглые – к наглым. А наглой в нашем классе была именно я. Христя меня за это терпеть не могла, но, самое удивительное, и Ирка – тоже. Она метнула на меня такой злой взгляд, будто я только что именно ее телефон уронила на пол.

– Чего ты всегда лезешь? – яростно прошипела она. – Какое тебе дело

до чужих гаджетов?

«Вот и делай после этого добро людям», – подумала я и, отвернувшись, устроилась на последней парте. Я ведь была самой высокой девочкой в классе, потому сидела на камчатке.

Первым уроком у нас был польский.

Про нашего Григория Лушу я расскажу отдельно. Этот парень только в прошлом году окончил магистратуру и пришел работать к нам в школу. А поскольку с учителями в школах всегда напряженка, то ему дали сразу несколько классов, и наш в том числе. Сначала он только проводил уроки польского, и наши девчонки ни разу не пропустили ни одного занятия. Мало того, они все как одна рвались к доске и с удовольствием писали диктанты. Слушали его раскрыв рты, и вообще у меня создалось такое впечатление, что женская половина класса поглупела и влюбилась одновременно. А потом его назначили нашим классным руководителем.

Впрочем, не влюбиться в Григория Лушу было сложно. Мне и самой он нравился, несмотря на моего Богдана. Глаза у него были кошачьи, зеленые, слегка раскосые, а кожа – немного смуглая, матовая.

Волосы коротко стрижены и слегка приподняты спереди. Конечно, он завел себе для солидности маленькую бородку, даже не бородку, а

этакую небритость, но это только добавляло Григорию шарма.

Носил он клетчатые рубашки поверх футболок или прикольные свитшоты с капюшонами. И умел потрясаяще шутить. Казалось, его ничем нельзя вывести из себя. Даже когда пацаны на последних партах принимались дружно рубиться в игры, он умел разрулить этакое безобразие. Парочка шуток, парочка смартфонов – на учительский стол, и всегда спокойный, веселый голос, как будто не хулиганов урезонивает,

а разъясняет особенно сложное правило польского языка.

Мальчишки наши, конечно, немного ревновали к Григорию и могли подложить ему на стол липкого лизуна или насыпать шелухи от семечек, но такой ерундой нашего классного было не пронять. Он ловко смахивал в мусор все их сюрпризы и начинал урок, широко улыбаясь и обводя класс прищуренными зелеными глазами.

Вот к Луше я и обратилась за советом.

Польский у нас был последним уроком, и, когда прозвенел звонок, возвещающий конец учебы, я пересела на первую парту прямо перед учительским столом и спросила:

– Где можно найти информацию о родственниках, имеющих польские корни?

Если Святославу называют «пани» то вполне логично предположить, что ее предки были поляками.

– У тебя есть родственники – поляки? – удивился Григорий.

– Я думаю, что есть. Хотелось бы отыскать информацию о них.

Григорий убрал в свой рюкзак тетради и ручки, после глянул на меня, прищурился и уселся на стул.

– Знаешь старую церковь у леса? Которую построили лет четыреста

назад.

– Кто же ее не знает?

– Там есть старая библиотека-фонд. Спроси у сотрудников, может, они

подскажут.

– Что за библиотека-фонд? – не поняла я.

– Фонд со старыми церковными книгами, в которых велись записи о

свадьбах и крестинах. Возможно, там ты найдешь то, что тебе нужно.

– Ладно, спасибо за совет.

Я вскочила и закинула рюкзак на плечо.

З

«У тебя уже закончились уроки?» – написал в «Вайбер» Богдан.

«Встречаемся у ворот школы», – последовал мой ответ.

«Сходим куда-нибудь?»

«Сегодня не могу, есть одно дело».

«Какое?»

Пальцы мои уже приготовились набирать текст, но тут мимо пробежал какой-то младшеклассник и толкнул меня под руку. Рука дрогнула, и драгоценный мой «самсунг» чуть не полетел на каменный пол.

– Зараза, – буркнула я вслед бегущему пацану. – Носятся, как ненормальные, и куда только учителя ваши смотрят.

Сбоку показалась целая ватага младшеклассников, похожая на стаю диких обезьян, и я поторопилась к выходу. В раздевалке накинула на себя ветровку и выскочила в свежий весенний полдень.

Солнце заползло за облака, ветви деревьев мелко дрожали от ветра, роняя вниз белые и розовые лепестки. Богдан ждал меня у больших черных ворот школы, укрывшись от окружающих школьных шумов неизменными белыми наушниками.

– Может, все-таки в кафешку? – предложил он и сощурился.

Глаза Богдана почему-то показались темно-серыми, то ли от тени березы, под которой он стоял, то ли от набежавших облаков. Я невольно улыбнулась и легонько чмокнула его в щеку.

– Нежности? – улыбнулся в ответ он.

– Хороший сегодня день.

– Значит, кафешка?

– Нет, надо сделать одно дело.

– Какое?

– Хочу сходить в церковь.

Богдан удивленно поднял брови, глянул пристально и переспросил:

– Ты пойдешь в церковь?

– Ну да.

– Тебя не пустят. Скажут, что ведьмам вход запрещен. Ты себя видела со стороны, Мирка? Ты же чернее черта.

– А что, черти не могут верить в Бога, что ли? Имеют право. И потом, мне надо в библиотеку.

– Так в церковь или в библиотеку?

– Наш Григорий говорит, что в старой церкви есть библиотека. Хочу доклад по истории подготовить, нужна информация о нашем городе.

– А, ну ясно. Уроки, значит. Тогда я не с тобой. Мне своих уроков хватает.

– Встретимся сегодня вечером. Я забегу к тебе, ладно?

– Да, давай.

И, поправив сумку, я бодро направилась вниз по дороге. Туда, где за

шоссе начинался высокий лес, а в лесу стояла церковь.

Бывают такие люди, которых не замечаешь. Просто не обращаешь внимания, и все. Вроде бы есть рядом человек, но он серый, молчаливый,

незаметный, как тень или мышка. Вот приходит на уроки, сидит со всем классом, но от него и словечка никто не услышит.

Матвей был как раз из таких людей. Иногда мне казалось, что его отправили в школу в пять лет, и он все никак не может дорасти до своих одноклассников. Конечно, мне, самой высокой девочке в классе, легко было рассуждать на тему роста. И конечно, мальчики вырастают позже девочек, это все знают.

Но Матвей был очень уж каким-то маленьким. Худой, с торчащими лопатками и оттопыренными ушами, он казался двенадцатилеткой, случайно затесавшимся в выпускной класс. Он никогда не выходил к доске, а если его спрашивали, мямлил таким слабым, дрожащим голосом, что никто ничего не мог понять, включая учителя.

Ни разу в жизни я не видела Матвея с друзьями. Говорили, что у него нет родителей, они вроде как разбились на машине в гололед. Что живет он со своим дедушкой – оно и было видно. Носил какие-то серые рубашки и серые кофты, голову втягивал в плечи, точно черепаха, и вообще походил временами не на мальчика, а на старичка. Вот этого Матвея (даже фамилия его никак не приходила на ум) я и встретила в библиотеке.

Библиотекарша в первую очередь спросила мое имя и фамилию, после ткнула пальцем в ряды стеллажей и велела поискать там. Я какое-то время послушно рылась в стопках богословской литературы, после погрузилась в огромное количество классиков. Гоголь вместе с Пушкиным, полно Достоевского и всяких других умных и нужных книг. Но в моей-то проблеме ни Гоголь, ни Достоевский помочь не могли.

– А есть какие-то старые списки жителей города? – уже в десятый раз

спросила я.

– Нет, ничего такого нет. Надо обращаться в архив, – четким и ясным голосом, тоже в десятый раз, повторила терпеливая библиотекарша.

Безнадежно углубившись в ряды стеллажей, я вдруг услышала шаги. Выглянула из-за книжного ряда – и опа! – Матвей. Шаркает ногами, тянет за собой сумку. Вид такой, будто только что проснулся и страшно удивляется этому солнечному миру. А он что тут делает? Книжки

церковные, что ли, читает?

Любпытство разобрало меня, и я решила понаблюдать за серым

мышонком.

Матвей дошаркал до библиотекарши и шелестящим голосом сообщил, что его зовут Матвей Левандовский и ему нужна церковная библиотека. Вот так и сказал: «Мне нужна церковная библиотека».

И библиотекарша – пожилая дама с кудряшками и в круглых очках

– и не подумала советовать ему поискать на стеллажах классики и богословия. Она вдруг поднялась и махнула рукой куда-то вбок, сказав:

«Проходи, конечно».

Куда это он должен пройти?

Я сама превратилась в мышку-норушку и последовала за Матвеем так тихо, что даже шнурки на конверсах не шуршали. Ступала чуть ли не на носочках и не дышала. Ага, идет в противоположную сторону, куда-то вглубь. Я – за ним, все так же тихо. Он открыл толстую деревянную дверь – старые филенки с резным узором – и скрылся где-то

в темноте. И что, мне

туда тоже можно?

Я шагнула за Матвеем. Дверь не скрипнула, открывшись легко и мягко, в нос ударил затхлый запах склепа, плесени и ветхой бумаги, и глазам предстала совершенно другая библиотека.

Какие-то покосившиеся стеллажи, заставленные такими древними книгами, каких я сроду не видела. Здоровенный камин с прогоревшей золой, высокие серебряные подсвечники на столе с резными ножками. И голова дракона на старой-престарой картине.

– Что ты тут делаешь, Мира? – прозвучал над головой звучный низкий голос.

Я оглянулась и охнула. Передо мной стоял Матвей, но только совсем не похожий на себя самого. Что-то с ним случилось странное, с этим серым парнишкой. Что-то сильно изменило его.

Глава четвертая. Матвей

1

Изменять внешность дед научил его еще лет в двенадцать.

– Не стоит привлекать к себе внимание, – сказал он. – А ты выглядишь слишком уж ярко.

– Почему не стоит? – удивленно поднял брови Матвей.

– Потому что есть два клана, в которые входят старинные семьи нашего города. Между этими кланами уже давно идет война. Ты рожден Матвеем Левандовским, ты – последний потомок древней фамилии и член одного из кланов. Но ты сейчас один и беззащитен, а вокруг много страшных людей, о которых тебе лучше не знать. Еще лучше вообще держаться от всего этого подальше, но у тебя не выйдет. Поэтому

старайся пока быть незаметным.

– А как?

– Мы сделаем так, чтобы на тебя никто не обращал внимания. Такие штуки я умею делать, – проговорил дед и высоко поднял темные четкие

брови.

Матвей глянул на себя в зеркало – зеркал в его доме было всего парочка, в ванной и в коридоре – и вздохнул. Конечно, его внешность не назовешь самой обычной, хотя бы потому, что у него разные глаза. Один – золотисто-карий, другой – темно-серый, с черным ободком вокруг зрачка и крошечными точками.

Разные глаза, слегка смуглая кожа. Крупный рот и подбородок с ямочкой. Темные волосы – густые патлы, которые Матвей стриг коротко, иначе было не прочесать и не уложить.

Был ли он симпатичным? Двенадцатилетний Матвей об этом не задумывался, но в девятнадцать уже вполне понимал, что выглядит, как... Как правнук ведьмака он выглядит, дико, страшно и невероятно привлекательно. Иногда его так и подмывало снять с запястья дедов оберег и прийти в класс таким, какой он есть на самом деле. Пусть увидят его все, и Мирослава Назаренко наконец тоже заметит мальчика с соседней парты.

Но Матвей опасался. Опасался того, что случится вскорости, опасался

нарушить дедов наказ... И еще он боялся

Скарбника. Он понимал, что оберег охраняет не только от внешнего мира, но и от того, кто живет в старом подвале.

Дедов оберег представлял собой кожаный шнурок с нанизанными на него черными бусинами и сушеными ягодами рябины. Между черными бусинами и рябинками кое-где был вплетен черный мелкий бисер, и все вместе они составляли загадочный узор, который довольно необычно смотрелся на руке. Никто, кроме Матвея, браслета видеть не мог, и, когда он натягивал эту странную легкую штучку, его облик

для всех становился другим.

– Ты будешь как размытый дождливый день, – приговаривал дед, в первый раз затягивая кожаный шнурок на запястье внука. – Ты

будешь как туман, который расплзается прямо перед глазами.

Так оно и было. Никто не замечал Матвея. Никто не дразнил его, не обижал. Никто не предлагал дружбу, не задавал вопросов, не угощал чипсами. Его сторонились, и Мира всегда смотрела мимо, как будто мальчика Матвея не существовало вовсе.

Миру Матвей заметил в прошлом году, когда в очередной раз решил не переходить в следующий класс. Он знал все школьные предметы и мог бы успевать на «отлично», но не хотелось покидать уютные стены школы, оставаться одному в доме. Поступать куда-то учиться не велел дед, потому что некому тогда было бы смотреть за старым

домом и кормить Скарбника.

– У тебя и так есть деньги, парень. И пока старый котяра живет в подвале, они будут всегда. Просто помни о Скарбнике, и все, – приговаривал дед.

Матвей не решался его послушаться, поэтому два раза оставался на второй год. И вот в очередном десятом классе он увидел Миру.

Она была высокой, худой и удивительной. Как только она вошла в класс, загорелая, напряженная, с этими ее слегка раскосыми черными глазами, с этой черной подводкой, Матвей уставился на нее, как на чудо.

Ее о чем-то спросил учитель, Мира ответила – кажется, пошутила насчет новых дырочек в ухе, – и улыбнулась, показывая ряд ровных зубов. Она казалась натянутой струной, готовой вот-вот сорваться, или загадочной

феей ночи, умеющей колдовать.

Матвей не мог понять, действительно ли она ему нравится или просто притягивает своей странностью. Но он чувствовал, что нашел бы общий язык с этой черной девчонкой в белых конверсах. И он ждал своего

часа, долго и терпеливо ждал.

2

В старую церковную библиотеку пускали не каждого. Конечно, речь шла не о внешней, с самыми обычными книгами. Посвященные люди знали, что подразумевается под словами «старая церковная библиотека».

Книги по истории Вартовых кланов, по настоящей истории города не лежали на виду у всех и каждого. Они находились в старой комнате, которая

была скрыта от посторонних глаз.

Конечно, библиотекарьша по привычке всегда уточняла имя и фамилию того, кто спрашивал про церковную библиотеку, но и так все

посвященные знали, что увидеть старую деревянную дверь могут только потомки тех, кто ее создавал.

И потому, когда дверь церковной библиотеки внезапно открылась и в прямоугольный квадрат света шагнула Мира, Матвей застыл. Он успел снять свой оберег, поскольку находился тут один и желал выглядеть, как на самом деле.

Браслет был торопливо засунут в карман, и в этот момент, очень некстати, появилась Мирослава. Матвей изумленно уставился на высокую гордую девчонку, после, наконец, выдал из себя:

– Что ты тут делаешь?

– А ты что? – в свою очередь спросила Мира и подняла брови. Она разглядывала Матвея совершенно открыто и без всякого смущения.

– Что ты тут ищешь?

– Книгу. Хочу почитать. А ты что ищешь?

– Из какого ты клана? – Матвей спросил напрямик.

– Что? – Мира нахмурилась. – Мы что, играем в горцев?

И тут Матвея осенило. Догадка возникла в его в голове так быстро, словно кто-то подсказал ему ответ на вопрос.

– Ты потомок Новицких? – быстро спросил он.

– Нет. Ты же знаешь мою фамилию, ты учишься в моем классе.

– Ты... Ты знаешь, кто я? Ты видишь меня...

– Ну, ты поменялся. У тебя, оказывается, разные глаза. Черт, это смотрится как... Как будто ты колдун. И почему я раньше не замечала?

– Не знаю, – пожал плечами Матвей. Ему было интересно, каким Мира

видит его сейчас.

– Ты ловко притворяешься дурачком, между прочим, – продолжила Мирослава. – У тебя это хорошо выходит. А сам проводишь время в церковной библиотеке. Ладно, давай посмотрим, что тут есть. Ты знаешь, где находятся хоть какие-то списки старейших жителей города?

– А зачем тебе? – поинтересовался Матвей, наблюдая, как бесшумно

и медленно закрывается дверь в старый склеп.

– Хочу узнать фамилию своей дальней родственницы, чтобы найти

ее. Она вроде бы поляка. Или ее предки были поляками.

– Да, можно узнать. Как ее зовут?

– Пани Святослава. Так моя мать ее называла.

Матвей уставился на Мирославу, не веря своим ушам.

Только одну Новицкую из всех кланов называли пани Святославой, не прибавляя фамилии, – так было принято к ней обращаться. И именно ее потомка должен был найти Матвей.

– А еще что-нибудь про нее знаешь? – осторожно уточнил он.

– У нее был сын Любомир. Больше не знаю ничего.

– Этого слишком мало. Пани – это же польское обращение к женщинам, а не часть фамилии.

– Я знаю, болван.

– А по одному имени сложно найти. Святослава – довольно распространенное имя. Было лет пятьдесят назад. Давай посмотрим на всякий

случай. Но вряд ли ты что-то найдешь.

Фамилия у Миры была Назаренко. К кланам Варты она не имела никакого отношения. Если бы Мира что-то знала о Темных, о своем происхождении, то носила бы свою настоящую фамилию.

Или она тоже скрывается, как Матвей?

Сейчас все кланы ищут Желанную книгу, об этом предупреждал дед Матвея. Всем нужна эта старая реликвия, которая обладает магическими свойствами. Какими, дед особенно не распространялся, считая внука слишком юным.

– Это – соблазн. Для тебя она будет соблазном, – пояснял дед, тыча пальцем в грудь Матвея. – Ты не устоишь, попадешься на крючок. Так что лучше тебе пока не знать. До поры до времени.

Матвей и не любопытствовал, но догадывался. Кое-что о Желанной книге можно было отыскать на страницах пожелтевших, растрепанных фолиантов в церковной библиотеке.

Ему страшно не хотелось погружаться в глубину этих колдовских и тайных дел, во мрак тех знаний, которыми владел его дед. Он желал быть обычным, самым обычным мальчиком – играть в компьютерные игры с друзьями, бегать на футбол, ходить в пиццерию, болтать после школы.

Он желал познакомиться поближе с Мирой. И вот последнее его желание неожиданно сбылось, но Мира оказалась как раз той девочкой, которую велел найти Скарбник. Мира могла вынести Желанную из дома прадеда. Из того самого дома, который только и ждал последнего потомка из их клана, чтобы наделить его силой ведьмаков.

– Посмотрим тут на полках, – хмуро сказал Матвей и принялся перебирать
старые чертежи городских домов.

Он, конечно, знал, где находится архивная летопись кланов. Сам собирался
порыться в ней, но теперь необходимость
отпала. Потому он
даже не станет доставать ее из старого сундука, просто поводит ничего не понимающую Миру по рядам, покажет ей старые, ничего не значащие свитки, а после...

Что после? Пригласит в кафе?
Или, может, к себе домой?

– Мы тут ничего не найдем, – сказал Матвей после того, как они вдоволь нашуровались по деревянным темным полкам и надышались столетней пылью. – Знаешь, что? У моего деда в доме должна быть старая-престарая Библия, он туда на последние, пустые страницы вписывал все роды этого города. Ему, кстати, исполнилось девяносто восемь лет этим августом.

– Может, у него самого спросим? – быстро спросила Мира, тщательно вытирая пыльные ладони влажной салфеткой.

– Может, – уклончиво ответил Матвей. – Пошли отсюда. – И распахнул входную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/varvara-nikolaevna-enal/ta-kto-zadaet-voprosy/>